

<ПРО ГОРОД>¹

...А шестые в Москву улетают
На собрание шестых этажей...

Стихи-то отличные, но вообще автор их, Кушнер, обнаруживает тут некоторую ленинградскую галантность: собрание шестых-седьмых этажей — настоящих, высотой 3,5 м и выше — конечно, не в Москве, а в Ленинграде.

Там их большинство, там самый городской город в России. Город ведь городят, нагромождают. Положим, еще в 12 году в Москве возвели девятиэтажный «небоскреб» Нирнзее — здесь не было тогда регламентации высотности, как в официальной столице — но сплошной застройки кварталами, улицами, зонами, как теперь говорят, словом, целыми прогулками, когда везде стены в 6–7 этажей — такого города в Москве все-таки меньше, а после разгрома Арбата убавилось, наверное, вдвое, хоть высота — этажность — и выросла.

Но этажность — это еще не город. Не в том дело, что этажи низенькие. И не в том даже, что архитектура плохая: у привилегированных домов-башен, оккупировавших арбатские кварталы, она бывает сравнительно престижна:

дело в том, что это вообще уже что-то другое — не город. Это кризис города. Возможно, уже и выход из кризиса во что-то еще, в пост- — как теперь говорят — город.

Что-то лучше города — это уж как на чей вкус. Но, во всяком случае, это не город.

Хорошо, а кто знает, что такое город? Да, наверно, каждый знает. Каждый, кому интересно. Мне интересно, могу сказать, почему интересно, что я знаю и откуда я знаю. Думаю, что прежде всего с перепугу. Опять же, впрочем, как и всё у всех: Цитата.

Джером Джером не считается самой большой классикой, но сказано, по-моему, классически. Хотя «Трое, спасшиеся из одной лодки», могли зажечь только светильный газ. Электричество посильней, ярче, и тьма потом без него куда гуще. Не было огней ярче, сильней, чем после военного затемнения. И при всей невероятной тесноте нашей коммуналки прелести нецивилизованного житья я начал ощущать лет не раньше как через 10 после эвакуации — и всего-то двухлетней. А знаю художника, и до сих пор к ним малочувствительного²: он хватил и ему хватило этих прелестей на всю жизнь за четыре года военных плюс десять лагерных. Еще в войну, лет девяти от роду, как только получил такую возможность, я приистрастился шататься по городу — по Москве. Просто так. На самом деле не просто так — всё выискивал, где тут самый городской город, самая

² Имеется в виду Лев Евгеньевич Кропивницкий.

густая Москва — как можно дальше от Казани³. В которую меня так тянет, больше чем куда бы то ни было, и которая тогда обернулась ко мне сугробами в оврагах, морозами, холодной дымной печкой, от которой рвало постоянно. Обернулась и полутора месяцами в больнице для дистрофиков. Коллеги дистрофики были в основном ленинградцы. И только через двадцать пять лет, впервые попав в Ленинград, я понял: вот куда, оказывается, я порывался. Вот он где — самый-самый город.

Тогда еще я не видел Риги.

— Ах, вон как. Ну а что бы ты сказал, побывав в Праге? Вене? Будапеште? Париже, Нью-Йорке? — Что ж я могу сказать — не знаю. А пока что, не побывав, хотел бы сказать вот что.

<...>

В архитектуре я, собственно говоря, ни бум-бум. Но должен же я что-то смыслить про город, если в городе какого-то города я так привык искать уже сорок лет. И один я разве? Попробую сообразить, рассказать.

Старая Рига, Вец Рига — конечно, самое-самое ценное в Риге. В Таллине — старый Таллин, Вана Таллин, если только я верно выражаюсь по-эстонски. Но старый Таллин, попросту сказать, и самое-самое лучшее в Таллине. Старый Таллин со своим Тоомпеа и Олевисте — это вообще сказка, но старый Таллин — это, собственно, и есть Таллин. С Ригой же не так!

³ В Казань Некрасова эвакуировали.

Рига XVIII, XVII, XVI и еще младше — все эти века-
тинейджеры в Риге есть, к счастью. Сохранились. Но самая
большая удача города Риги, может быть, в том, что за чер-
той бульваров она сплошь практически город веков XIX/
XX — это уже не седая юность, а самый расцвет сил.
Рига — самый большой город самой-самой городской эпо-
хи, какая была. (Прошу прощения опять-таки — из горо-
дов, что я видел.) Она ведь была не так долго.

<1987>